

УДК 32.001

ББК 66

К 126

К 126 Кавказ-2003. Выборный год. Ежегодник КИСМИ. – Ереван, Кавказский институт СМИ, 2005. – 228 с.

Издание представляет собой первый, пилотный выпуск Ежегодника Кавказского института СМИ, задуманного как справочно-информационное издание о наиболее важных событиях и тенденциях истекшего года на Южном и Северном Кавказе. В основу аналитических материалов первого выпуска легли доклады, сделанные на международной конференции «Кавказ-2003», прошедшей в Ереване весной 2004 года. Авторы подытоживают важный для Кавказа выборный 2003 год с различных точек зрения: внутри- и внешнеполитической, экономической, этнологической, религиозной. Кроме того, в издание вошли справочные материалы, в том числе хронология 2003 г. и географические карты Кавказа и региона.

Редактор А. Искандарян

Редколлегия: Р. Амирагян, Г. Демоян, Н. Искандарян,

А. Карагулян, В. Четерян

Дизайн обложки, макет и географические карты: студия «Коллаж».

Фотографии предоставлены студией «Patker» и Айком Бианджаном

Caucasus Yearbook 2003. Election Year. – Yerevan, CMI, 2005. – 228 p.

Editor A Iskandaryan

Editorial team R Amiraghyan, V Cheterian, N Demoyan,

N Iskandaryan, A Karagulyan

Cover design, layout and maps by Collage Ltd.

Photos courtesy of Patker and Hayk Bianjan

ББК 66

ISBN 99930-78-73-5

© КИСМИ, 2005

© 2005 by Caucasus Media Institute

Армения: что показали выборы

2003 год в Армении ознаменовался выборным марафоном, начавшимся еще в конце октября предыдущего 2002 года с выборов в местные органы власти. Потом были выборы президента, а 25 мая 2003 года прошли выборы парламента и референдум по поправкам к действующей Конституции.

За семь месяцев избирателям довелось выразить свое отношение ко всей политической элите страны, к основному закону республики, к политическим партиям, в том числе и к партиям, до выборов никому не известным. Политическая система подверглась напряжению самими выборами, митингами после них, непризнанию результатов выборов проигравшими сторонами, ну и, конечно, очередным заявлениям ОБСЕ о том, что выборы «не вполне соответствует стандартам ОБСЕ».

При этом и парламентские, и президентские выборы были чрезвычайно атипичными как для Армении, так и для региона. Они в каком-то смысле высветили характерные черты особого, подспудного политического развития Армении, не видные на поверхности в более спокойные периоды. Что же можно увидеть, если попытаться проанализировать эти события?

Президентские выборы

Это были первые за всю историю кавказских стран выборы, в которых действующий президент победил не в первом туре. Причем до необходимых пятидесяти процентов Кочарян недобрал всего две тысячи голосов. В контексте постсоветской политической культуры это довольно странно. Понятно, что готовый к узурпации власти президент, обладающий соответствующим административным ресурсом, вполне может ограничиться одним туром, если не «референдумом о бессмертии», как, например в центральноазиатских странах, и натянуть полпроцента голосов — не очень большая проблема. Соответственно, либо президент этого сделать не захотел, либо ему что-то помешало.

Предвыборная кампания поначалу шла предсказуемо. Кандидатов всего было девять, однако лишь трое были способны перешагнуть пятипроцентный барьер. Это действующий президент Роберт Кочарян, глава Народной партии Степан Демирчян и лидер партии «Национальное единение» Арташес Гегамян. Эти трое символизировали собой три вида электорального поведения граждан Армении — голосование за стабильность, ностальгическое голосование и протестное голосование.

Гегамян, мэр Еревана в позднесоветские времена, боролся за протестные голоса. Его риторика была чисто негативной и сводилась к яростной критике власти, обвинениям ее в коррупции и клановости. Особый упор в его риторике делался на социальные проблемы, бедность и отток населения, и потому Гегамян мог рассчитывать на значительную часть электората, особенно в бывших промышленных центрах, превратившихся с коллапсом советской экономики в «мертвые города».

Однако Гегамян поторопился — он начал собирать массовые митинги с первых же дней предвыборной кампании, и звучавшая на них критика вскоре достигла возможно высокого накала. Изо дня в день повторяемые лозунги «борьбы с преступным режимом» и обещания отдать предшественников под суд в случае победы вскоре утомили электорат, и он постепенно начал перетекать к другим кандидатам, в основном к «ностальгическому» кандидату — Демирчяну.

Уже к первому туру выборов Степан Демирчян лидировал среди оппозиционных кандидатов. Его кампания была построена на эксплуатации харизмы его отца Карена Демирчяна — последнего руководителя Советской Армении, вернувшегося в политику на первой ностальгической волне 90-х годов и погибшего во время теракта в парламенте в 1999 году. Похожий на отца внешне, Степан Демирчян оказался идеальным символом ностальгии по советской жизни. В результате (и отчасти благодаря ошибкам Гегамяна) Демирчяну удалось мобилизовать не только весь ностальгический электорат, но и как минимум часть протестного.

За действующего президента голосовали сторонники стабильности — в первую очередь те, кому есть что терять в случае дестабилизации, кто так или иначе смог состояться в новой экономике. Количество голосовавших за стабильность в лице Кочаряна оценить сложно, тем более, что Кочарян, как и все постсо-

ветские президенты, использовал на выборах властные ресурсы.

Первый и основной ресурс — собственно административный: государственные служащие и те, кто от них в той или иной мере зависит. Второй ресурс — бизнесмены. Бизнес во всех постсоветских странах, в силу неразвитости экономики и ее клановой структуры, сильно зависим от государства и связан с ним. Мобилизация зачастую криминализованных бизнес-элит позволяет организовать «правильное» голосование далеко не только работников соответствующих предприятий. Круг людей, на которых влияют многочисленные местные бизнес-князьки, достаточно велик. Иногда даже особенной мобилизации и не требуется: бизнесмены сами понимают, что для них может означать смена власти, а следовательно, новый дележ пирога — ведь, например, получение лицензии на сколько-нибудь существенный экспорт-импорт в страну чего угодно, от бензина до сигарет, зависит от благорасположения властей. Третий ресурс — СМИ. Освещение этой избирательной кампании в СМИ, особенно электронных, контролировалось государством.

Давление сверху и фальсификации — наиболее статичный элемент выборов, ничего на самом деле не прибавляющий к их пониманию. Были ли фальсификации? Несомненно. Могло ли бы их не быть? Нет, не могло. Вертикаль власти в государствах бывшего СССР устроена таким образом, что подыгрывание власти происходит даже и без особых указаний сверху (что не означает, что этих указаний не поступает). Обладают ли в Армении действующие власти неограниченными возможностями для нарушений? Скорее всего, нет, ибо там, где власти чувствуют себя настолько уверенно, что не боятся сопротивления общества, никаких фальсификаций не требуется. Такого рода патерналистские режимы существуют в ряде стран бывшего СССР (в частности, в некоторых регионах России) и в них выборы проходят гладко, ни о каких демонстрациях речи не идет.

О том, почему Роберт Кочарян отказался от победы в первом туре, есть разные теории, вплоть до самых экзотических типа угрозы переворота. Очень похоже, что решение было принято в ночь после голосования, с 19 на 20 февраля. Скорее всего, давление на президента было внешним по отношению к предвыборной стратегии, а то и географически внешним.

Ко второму туру выборов почти вся оппозиция объединилась

вокруг Демирчяна. Митинговая активность нарастала. Оппозиция отказывалась признать результаты первого тура, заявляя, что официально набравший 28,2 % Демирчан в нем на самом деле победил. Когда были объявлены результаты второго тура, где Кочарян обыграл Демирчяна с перевесом вдвое (67,5 процентов против 32,5), оппозиция не признала и их. При этом заявления оппозиции звучали в унисон с заявлениями группы наблюдателей ОБСЕ и Госдепартамента США.

Заявление ОБСЕ, в котором выборы признаются не соответствующими международным стандартам, было, судя по всему, мало связано собственно с ходом выборов. Нарушения-то, конечно, были, но причины реакции ОБСЕ лежат в другой сфере. Дело не только в некомпетентности международных бюрократов и единой шкале оценки выборов в «устойчивых» и «молодых» демократиях. ОБСЕ учитывает множество факторов. Предстояли выборы в Азербайджане - стране с принципиально другой политической культурой. Ввиду карабахского конфликта, возможно, было решено не создавать явный диспаритет в оценке выборов. Не исключено и влияние внешних по отношению к Европе политических сил. Недаром за заявлением ОБСЕ по Армении последовало, пожалуй, столь же жесткое заявление Госдепа США. В преддверии войны в Ираке недавние парламентские выборы в Турции были оценены не так строго, притом, что грубые нарушения, особенно на востоке страны, там были несравнимы с армянскими. В Турции работала миссия во главе с тем же Питером Айкером, только в составе пяти, а не двухсот человек, как в Армении, и неделю, а не два месяца, при 70 миллионах населения против трех в Армении.

Но в любом случае заявления ОБСЕ были с воодушевлением восприняты оппозицией, тем более, что предстояли еще выборы парламентские.

Парламентские выборы

Эти выборы также были интересны как по способу протекания, так и по результатам. Оппозиция воспринимала их как «последний бой», а торжествующие победу пропрезидентские силы — как возможность окончательного разгрома оппозиции. Однако, судя по результатам выборов, и те, и другие были правы лишь отчасти. Причем очень сильно отчасти.

Во-первых, *провалился референдум по поправкам к Конституции*, и провал этот беспрецедентен в буквальном смысле слова. Вынесенные на референдум поправки к Конституции должны были, в числе прочего, существенно увеличить полномочия президента. Референдум был инициирован президентом и усиленно им продавливался. Налицо первый в истории постсоветского пространства случай, когда властям не удалось добиться положительного голосования на инициированном ими референдуме. Причем это случилось в государстве, в котором, если судить по заключениям наблюдателей от ОБСЕ, результаты выборов складываются не из поданных голосов, а из массивных фальсификаций.

Во-вторых, расклад в новом парламенте тоже не вполне постсоветский, хотя наибольшее количество голосов и набрала главная пропрезидентская сила – Республиканская партия. Эта партия аналогична существующим во всех странах бывшего СССР партиям власти, в реальности представляющим собой неидеологические объединения чиновников и окол властной буржуазии. Почти единственным ресурсом Республиканской партии был административный: именно ввиду ее чиновничьей сути и отсутствия идеологии, сторонников в собственном смысле слова у нее нет, или почти нет. Именно в ее пользу и совершались фальсификации, будь то знаменитое «открытое голосование военнослужащих» или подкуп избирателей. Это не означает, что в пользу других партий не было подкупа, но существенным орудием для получения голосов подкуп и фальсификации были именно в случае Республиканской партии, которая воспринималась государством как «своя». И что же? *Республиканская партия набрала 24%* голосов в парламенте по пропорциональным спискам. Не 100, не 67 (квалифицированное большинство) и даже не 51 (простое большинство), как предположил бы всякий, кто знаком с опытом постсоветских стран, а 24 процента! Ничего похожего на полное и безраздельное господство в парламентах стран-соседей «Нового Азербайджана», «Союза граждан Грузии» или российского «Единства».

В-третьих, *в парламент прошел блок «Справедливость»* - блок сторонников Степана Демирчяна, конкурента Кочаряна на президентских выборах. В парламент прошли 17 депутатов от «Справедливости» (затем уже в парламенте несколько человек

прибавилось из одномандатников), и хотя это не могло оказать никакого влияния на работу парламента (всего в нем 131 депутат), но сам факт, что оппозиционеры набрали эти голоса, уже достоин внимания. «Справедливость» — это не обычная политическая оппозиция, это оппозиция системная, она отрицает легитимность политической системы в целом и абсолютно всех составляющих политической реальности в частности, включая президента и парламент (!). Если обратиться к опыту соседних стран, то такие деятели там находятся или в тюрьме, или за границей. Соответственно, следует предположить, что власти не смогли или не захотели (что, строго говоря, в данном случае одно и то же) отстранить системную оппозицию от политики вообще, как отстранили Расула Гулиева в Азербайджане или Березовского в России.

Четвертым интереснейшим феноменом выборов стал тот факт, что *все без исключения проправительственные партии прошли в парламент, используя антиправительственную риторику*. И «Страна законности» и Армянская революционная федерация «Дашнакцутюн» в предвыборной агитации использовали существующее в обществе социальное напряжение и недовольство. Причем это делали не только партии, в целом пытавшиеся завуалировать свою лояльность власти, но и те, которые ее не скрывали! Вообще, весь ход предвыборной кампании очевидным образом свидетельствовал о том, что борьба шла именно на электоральном поле, что на посткоммунистическом пространстве бывает далеко не всегда. Такие инструменты борьбы, как манипулирование телевизионным временем, создание антиправительственных имиджей у проправительственных партий, да, собственно, даже и подкуп избирателей, совершенно не нужны, если президентская власть может позволить себе любые желаемые фальсификации на этапе подсчета голосов. В Армении же реальные голоса, судя по всему, имели значение. Поэтому, на фоне социальных проблем и уже ставшего традиционным для этой страны высокого накала оппозиционной активности, прагматичные партийные лидеры подстраивались под господствующие в обществе оппозиционные настроения.

Пятый феномен прошедших выборов — то, что партия «Рамкавар-Азатакан» (либерально-демократическая) не преодолела пятипроцентный барьер и не прошла в парламент. Показательно

это не только потому, что эту партию открыто поддерживал Ара Абраамян — этнический армянин, крупный российский бизнесмен, президент Союза армян России, воспринимающийся в Армении как «представитель России». Казус в том, что эта партия была самой (или даже единственной) открыто лояльной президенту и на предвыборную кампанию потратила огромные деньги. Косвенным образом поражение этой партии подтверждает правильность стратегии остальных.

Наконец, шестой сенсацией выборов стало избрание в парламент *Объединенной трудовой партии*. Партия была создана всего год назад одним из крупных армянских бизнесменов и не имеет никакого отношения ни к оппозиции, ни к властям. Ее успех — результат грамотно проведенной подготовки к выборам и сосредоточения усилий в некоторых избирательных округах, а не распыления энергии и средств по всей стране. Победа ОТП убедительно свидетельствует, что в нынешней Армении с помощью технологии и денег можно добиться результата, недостижимого в репрессивных режимах.

Незаконодательный парламент

В итоге в парламенте — и шире, в государственных элитах в целом — складывается система, которую политологи обычно называют «шумпетерианской демократией». Выпадает из этой системы только блок «Справедливость», члены которого получили мандаты, но работу парламента бойкотируют. Являясь не политической оппозицией в собственном смысле этого слова, а неким атавизмом эпохи антикоммунистической революции, фракция «Справедливости» обречена на то, чтобы, по меткому выражению одного из армянских политологов, превратиться в команду библейских пророков, использующих трибуну для декламации заповедей: «не убий, не укради, не прелюбодействуй». Занятие, в общем, небесполезное, но совершенно непарламентское, как минимум в условиях Армении. Ибо армянский парламент — не только не парламент времен борьбы с коммунизмом и «преступным режимом», но даже не законодательный орган в полном смысле этого слова.

Формально правительство строится на основании коалиции трех партий: Республиканской, «Страны законности» и Дашнакцутюн. В этом есть внутренняя логика: парламент и правитель-

ство просто обречены быть коалиционными, отнюдь не только (и не столько) в смысле коалиции между политическими партиями. Прежде всего, потому, что сформировавшихся политических партий в Армении просто нет. Нынешние партии — довольно аморфные объединения групп социально активных людей, добивающихся таким образом достижения своих карьерных целей, лоббистские структуры, электоральные механизмы или профсоюзы аппаратчиков. Отсюда и характерные для Армении размытые партийные идеологии, отсутствие реальных партийных программ, ориентация на личность, а не на конкретные задачи и пр. Партий, которые представляли бы интересы тех или иных социальных групп, будь то крестьяне или мелкие бизнесмены, пенсионеры или средний класс, в Армении еще нет. Общество еще не выработало той политической культуры, в которой осознается сама необходимость представительства такого рода интересов в законодательном собрании.

А раз так, то политическое поле занимают элитные группы. В основном, в силу бедности страны и слитности бизнеса и политики, проистекающей из этой самой бедности, это элитные группы бизнеса. Причем бизнеса крупного — естественно, по армянским меркам. Бизнесмены вынуждены все время искать консенсус между собой и с государством. Постоянный мучительный процесс дележки довольно маленького пирога, распределение зон влияния, лицензий и доступа к ресурсам — вот основное содержание внутренней политики Армении. Все больше и больше эта «политика» перемещается в законодательное собрание. В новый парламент прошло множество бизнесменов. Перед выборами они аккумулировали финансовые средства, затем использовали их с выгодой для себя, и в обмен получили место в парламенте. Избирательный штаб президента должен был сначала обратиться к ним, чтоб они аккумулировали финансовые средства и обеспечили их расходование так, чтобы прошли в парламент кандидаты, лояльность которых не вызывает сомнений. То есть в данном случае, в основном они же сами. Понятно, что кто-то из них выиграл, а кто-то проиграл, кого-то обманули, но общим итогом этого процесса могла стать только коалиция. Коалиция представителей торгового и производственного капиталов, региональных князьков и государственных служащих, многочисленных лобби экспортеров и им-

портеров. Президентская власть — лишь часть этой системы. Не имея возможности приказывать, власть должна договариваться, а следовательно, вступать в коалицию.

Понятно, что в таком парламенте представители прошлой эпохи, интеллектуалы и либералы, говорящие о моральных нормах и о строительстве истинной демократии, окажутся в изоляции. Вообще-то технически правильным было бы включить их в процесс реальной политики, дать им некоторый сегмент в политике, включить в реальную законотворческую деятельность, дать им некоторые министерские посты, такие, скажем, как министерство культуры. Таким путем можно было бы перевести их из ранга системной оппозиции в оппозицию действительно политической. Это было бы чрезвычайно трудно сделать, так как сам блок «Справедливость» не настроен на сотрудничество. Зато в случае успеха такого рода действия стабилизировали бы политическую систему, поскольку, будучи вытеснены из парламента, оппозиционеры уведут политику во внепарламентское поле, то есть в уличные митинги, неправительственный сектор, продолжение в прессе дискурса о нелегитимности президента, парламента и пр. Однако, с очевидным поражением оппозиции и на президентских, и на парламентских выборах, президент получил возможность счесть такие меры излишней роскошью, и просто изолировать «Справедливость» от реальной политики. Следует признать, что в результате выборов система и в самом деле стала несколько более устойчивой, чем прежде, когда системная оппозиция была больше представлена в парламенте. Но, так или иначе, изоляция значимой социальной и элитной группы от реальной политики — не самый благоприятный фактор для развития.

Что же касается основной части политического спектра — то есть представителей различных бизнес-групп в парламенте, — то они вступают в союзы и расходится, борются за влияние и переходят из одного лагеря в другой. Просто извне это обычно не так заметно. Система будет более устойчива изнутри, поскольку в новом парламенте депутаты, не признающие легитимность государства как такового — экзотика. В целом же элементы неустойчивости в политической системе остаются, и сохранятся до тех пор, пока политика будет оставаться почти исключительно делом элитных групп, а более широкие массы будут включаться в

нее практически только во время выборов — своего рода стихийного бедствия. Это будет меняться, ибо политическая система развивается именно в направлении такой модели, при которой парламентарии представляют интересы неких групп населения — можно считать, что они уже их и представляют, только группы эти еще очень узкие.

Собственно эта реальность подлинной структуры политического поля Армении и проявилась на поверхность в 2003 году — году выборов. С тем, чтобы опять «уйти» в глубины государственного аппарата и тесно связанной с ним бизнес-элиты, в те самые узкие группы, которые и представляют новые парламентарии-бизнесмены. До следующих выборов или смены власти, а потом — опять до следующих, пока экономический рост не приведет к расширению этих групп и к осознанию ими потребности политического представительства. На это уйдет не один цикл выборов.

При работе над статьей были использованы материалы из архива прессы Кавказского института СМИ.

Рубен Мангасарян/Раiker

Центр Еревана. Каскад.